

«Литературное дело, пишет г. Ленин в «Новой Жизни» (№ 12), не может быть индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать колесиком и винтиком одного единого великого социал-демократического механизма». И далее: «Абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная зависимость от денежного мешка. Мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом, внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазной литературой противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу».

Ленин делает сам себе возражения от лица «какого-нибудь интеллигента, пылкого сторонника свободы» в такой форме: «Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютного индивидуального идейного творчества!». И отвечает: «Успокойтесь, господа! Речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю... Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, гонимыми то-то и то-то... Партия есть добровольный союз, который неминуемо распался бы, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды... Свобода мысли и критики внутри партии никогда не заставит нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями».

Вот по крайней мере откровенные признания! Ленину нельзя отказать в смелости: он идет до крайних выводов из своей мысли; но меньше всего в его словах истинной любви к свободе. Свободная («внеклассовая») литература для него — отдаленный идеал, который может быть осуществлен только в социалистическом обществе будущего. Пока же «лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазной литературой» г. Ленин противопоставляет «открыто связанную с пролетариатом литературу». Он называет эту последнюю «действительно-свободной», но совершенно произвольно. По точному смыслу его определений обе литературы не свободны. Первая тайно связана с буржуазией, вторая открыто с пролетариатом. Преимущество второй можно видеть в более откровенном признании своего рабства, а

не в большей свободе. Современная литература, в представлении г. Ленина, на службе у «денежного мешка»; партийная литература будет «колесиком и винтиком» общепролетарского дела. Но если мы и согласимся, что общепролетарское дело — дело справедливое, а денежный мешок нечто постыдное, разве это изменит степень зависимости? Раб мудрого Платона все-таки был рабом, а не свободным человеком.

Свободная Грузия. Тбилиси. - 1991. - 1 июня. - с. 5.

Валерий БРЮСОВ:

СВОБОДА СЛОВА

Однако, возразят мне, та свобода слова (пусть еще неполная, пусть вновь урезанная), которой мы сейчас пользуемся в России, или по крайней мере пользовались некоторое время, была достигнута не чем другим, как энергией «российской социал-демократической рабочей партии». Не стану спорить, воздам все должное этой энергии. Скажу больше: в истории можно подыскать только один пример, напоминающий наши октябрьские события: это отход плебеев на Священную гору. Вот истинно первая «всеобщая забастовка», на тысячелетия предвзвизавшая сходные попытки Бельгии, Голландии и Швеции. Но, признав всю благодетельность пережитого нами события, неужели я должен по этому самому отказаться от критического отношения к нему? Это было бы все равно, как требовать, чтобы никто из благодарности к Гуттенбергу, изобретшему книгопечатание, не смел находить недостатков в его изобретении. Мы не можем не видеть, что социал-демократы добивались свободы исключительно для себя, что париям, стоящим вне партии, крохи свобод достались случайно, на время, пока грозное «долой!» не имеет еще значения эдикта. Слова социал-демократов о всеобщей свободе тоже «лицемерие», и мы, писатели беспартийные, тоже должны «сорвать фальшивые вывески».

Свободе слова г. Ленин противопоставляет свободу союзов и грозит писателям внепартийным исключением из партии. «Каждый вольный союз, говорит он, волен прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов». Что это значит? Странно было бы толковать это в том смысле, что писателям, пишущим против социал-демократии, не будут предоставлены страницы социал-демократических изданий. Для этого не надо создавать «партийной» литературы. Предлагая только выдер-

жанность направления в журналах и газетах, смешно было бы восклицать, как это делает г. Ленин: «За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача...». Ведь и теперь, когда «новая и великая задача» еще не решена, писателю-«декаденту» не приходится в голову предлагать свои стихи в «Русский Вестник», а поэты «Русского Богатства» не имеют притязаний, чтобы их печатали в «Северных

Цветах». Нет сомнения, что угроза г. Ленина «прогнать» имеет иной, более обирный смысл. Речь идет о гораздо большем: утверждаются основоположения социал-демократической доктрины как заповеди, против которых не позволены (членам партии) никакие возражения. Г. Ленин готов предоставить право «кричать, врать и писать что угодно», но за дверь. Он требует расторгать союз с людьми, «говорящими то-то и то-то». И так, есть слова, которые запрещено говорить. «Партия есть добровольный союз, который неминуемо распался бы, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды». И так, если есть взгляды, высказывать которые воспрещено. «Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставит нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы». Иначе говоря, членам социал-демократической партии дозволяется лишь критика частных случаев, отдельных сторон доктрины, но они не могут критически относиться к самим устоям доктрины. Тех, кто отваживается на это, надо «прогнать». В этом решении — фанатизм людей, не допускающих мысли, что их убеждения могут быть ложны. Отсюда один шаг до заявления халифа Омара: «Книги, содержащие то же, что Коран, лишние, содержащие иное, — вредны».

Почему, однако, осуществленная таким способом партийная литература именуются истинно-свободной? Многим ли отличается новый цензурный устав, вводимый в социал-демократической партии, от старого царившего у нас до последнего времени? При господстве старой цензуры дозволялась критика отдельных сторон господствующего строя, но воспрещалась критика его основоположений. В подобном же положении остается свобода слова и внутри социал-демократической партии. Разумеется, пока несогласным с такой тира-

нией предоставляется возможность перейти в другие партии. Но и при прежнем строе у писателей — протестантов оставалась аналогичная возможность: уехать, подобно Герцену, за рубеж. Однако как у каждого солдата в ранце есть маршальский жезл, так каждая политическая партия мечтает стать единственной в стране, отождествить себя с народом. Более, чем другая, надеется на это партия социал-демократическая. Таким образом,

угроза изгнания из партии является, в сущности, угрозой извержением из народа. При господстве старого строя писатели, восставшие на его основы, ссылались, смотря по степени «радикализма» в их писаниях, в места отдаленные и не столь отдаленные. Новый строй грозит писателям-«радикалам» гораздо большим: изгнанием за пределы общества, ссылкой на Сахалин одиночества.

Екатерина II определяла свободу так: «Свобода есть возможность делать все, что законы позволяют». Социал-демократы дают сходное определение: «Свобода слова есть возможность говорить все согласное с принципами социал-демократии». Такая свобода не может удовлетворить нас, тех, кого г. Ленин презрительно обзывает «гг. буржуазные индивидуалисты» и «сверхчеловеки». Для них такая свобода кажется лишь сменой одних цепей на новые. Пусть прежде писатели были закованы в кандалы, а теперь им предлагают связать руки мягкими пеньковыми веревками, но свободен лишь тот, на ком нет даже оков из роз и лилий. «Долой писателей беспартийных!» — восклицает г. Ленин. Следовательно, беспартийность, т. е. свободомыслие, есть уже преступление. Ты должен принадлежать к партии (к нашей или, по крайней мере, к официальной оппозиции), иначе «долой тебя!». Но в нашем представлении свобода слова неразрывно связана со свободой суждения и с уважением к чуждому убеждению. Для нас дороже всего свобода исканий, хотя бы она и привела нас к крушению всех наших верований и идеалов. Где нет уважения к мнению другого, где ему только надменно предоставляют право «врать», не желая слушать, там свобода — фикция.

«Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? От вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии?» — спрашивает г. Ленин. Я думаю, что на

этот вопрос не один кто-нибудь, а многие твердо и смело ответят: «Да, мы свободны!». Разве Артур Рембо не писал своих стихов, когда у него не было никакого издателя, ни буржуазного, ни небуржуазного, и никакой публики, которая могла бы потребовать от него «порнографии» или чего другого. Или разве не писал Поль Гоген своих картин, которые упорно отвергались разными жюри и не находили себе до самой смерти художника никаких покупателей? И разве целый ряд других работников «нового искусства» не отстаивал своих идеалов вопреки полному пренебрежению со стороны всех классов общества? Заметим, кстати, что работники эти были вовсе не из числа «обеспеченных буржуа», а нередко должны были, как тот же Рембо, как тот же Гоген, терпеть и голод, и неприютность.

По-видимому, г. Ленин судит по тем образчикам писателей — ремесленников, которых он, быть может, встречал в редакциях либеральных журналов. Ему должно узнать, что рядом встала целая школа, выросло новое, иное поколение писателей-художников, тех самых, кого он, не зная их, называет насмешливым именем — «сверхчеловеки». Для этих писателей, — поверьте, г. Ленин, — склад буржуазного общества более ненавистен, чем вам. В своих стихах они заклемили этот строй «позорно мелочный, неправый, некрасивый», этих «современных человечков», этих «гномов». Всю свою задачу они поставили в том, чтобы в буржуазном обществе добиться «абсолютной» свободы творчества. И пока вы и ваши идете походом против существующего «неправого» и «некрасивого» строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена.

«Коран социал-демократии» столь же чужд нам, как и «Коран самодержавия» (выражение Ф. Тютчева). И поскольку вы требуете веры в готовые формулы, поскольку вы считаете, что истине уже нечего искать, ибо она у вас, — вы враги прогресса, вы наши враги».

«Абсолютная свобода (писателя, художника, артиста) есть буржуазная или анархическая фраза», говорит г. Ленин, и тотчас добавляет: «ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность». Ему представляется, что вещь, вывернутая наизнанку, несколько не меняется. Попробуйте, однако, вывернуть правую перчатку, опять надеть ее на правую руку?.. Но совершенно понятно, почему г. Ленину хочется опозорить анархизм, смешав его в одном с буржуазностью. У социал-демократической доктрины нет более опасного врага, как те, кто восстает против столь любезной ей идеи «архе». Вот почему мы, искатели абсолютной свободы, считаемся у социал-демократов такими же врагами, как буржуазия. И, конечно, если бы осуществилась жизнь социального, «внеклассового», будто бы «истинно-свободного» общества, мы оказались бы в ней такими же отверженцами, какими мы в обществе буржуазном.

15 ноября 1905 г.